

ХРАМ

Убеждаюсь я снова и снова:
Все дороги мои в этот храм
Первозданного мира лесного –
К диким тропам и птичьим хорам.

Дай мне руку. За мною, смелее!
Мы под сводами хвойных вершин
Мирно дремлющих сосен и елей
Ряд открытий с тобой совершим.

Здесь отсутствуют окна и двери,
И решётки отсутствуют тут,
Где живут только птицы и звери
Да лесные деревья растут.

С чистым сердцем порою люблю
Заходи в этот благостный храм:
Если мы к ним с добром и любовью –
И они доверяются нам.

Ну а там, где решётки и двери –
От доверья остался лишь прах...
Может, там кровожадные звери
Сеют ненависть, злобу и страх?..

ВДВОЁМ

Заря вечерняя печально угасала,
Зеркально отражаясь в Остре.
На прутик нанизав кусочки сала,
Ты жарила нам ужин на костре.

Два селезня – дневной трофей двустволки,
Охалка дров – добыча топора.
В лугах некошенных кричали перепёлки,
Мол, ночь близка и спать уже пора.

Густел туман, река вдали парила,
В сырой низине скапливался дым...
Сухое сено – мягкая перина
Влюблённым двум, красивым, молодым.

Мы гнали сон – неопытны и юны...
Кому не страшно было в первый раз
Порвать случайно трепетные струны,
Что ненадёжно связывают нас?

Но робость – устранимая причина.
Проснувшийся в объятиях твоих,
Я утром знал, что должен, как мужчина,
Добыть огонь и завтрак на двоих.

ДИЛЕММА

Библии, Талмуда и Корана
Мне премудрость мало помогла:
Где не ждёшь подвоха и обмана –
Жизнь коварно бьёт из-за угла.

Кажется: ну вот ещё немножко
И успех как будто на мази... –
Тут тебе поставлена подножка
И ничком валяешься в грязи.

Кто-то слева, руки потирая:
– За едва надкусанный ранет
Вы навечно изгнаны из рая –
Можно всё, запретов больше нет.

Не сдавайся, рвись к заветной цели,
А не жди подачки от судьбы,
В повседневной жизни карусели
Позабудь про «абы» да «кабы»!

Научись давать по жизни сдачи –
Рви кадык, цепляйся в волоса –
И тебя покинут неудачи,
Чёрная отступит полоса.

Посмотрел налево – чьи-то рожки,
Запах серы, глазки – два угля...
Стало ясно, чьи это подножки,
Кто коварно бьёт из-за угла.

Справа, под напевный звук свирели:
– Помни во спасение души:
В достижение благородной цели
Не любые средства хороши.

Про Эдем не выдумана повесть –
Дверь туда для многих заперта.
Пусть тебе твоя подскажет совесть,
Где лежит запретная черта.
Посмотрел направо – лебединых
Надо мной простёрты два крыла:
Светлый ангел сил непобедимых
Голосит про скорбные дела.

Как же нелегко бывает, братцы,
Под такое пенье и галдёж
Толком в этой жизни разобраться –
Есть опасность сгинуть ни за грош:
Повернёшь направо – жизнь отравя,
А налево – вовсе пропадёшь...

ПРО СЕБЯ

Не обижен, вроде бы, ни силою, ни удалюю –
И в любви и в карты до сих пор везёт,
Не был херувимом, но не был и Иудою
И ночами долгими совесть не грызёт.

Побродил дубравами, чащами да рощами,
У реки – у озера находил приют...
Между делом детушки рождены и взрощены –
Пусть живут не тужат, хлеб да соль жуют.

Думал, не придётся испытать усталости,
Но и ей, как водится, наступил черёд:
В прошлое всё кануло, только и осталось-то:
В беспросветной серости доживать до старости,
Будни все и праздники зная наперёд.

Добрая хозяйюшка на обед наварит щей,
Напечёт сердешная вкусных пирогов...
Только за столом у нас ни друзей-товарищей,
Ни соседей, ни родни, ни лихих врагов.

Попусту растрчена этакая силища,
Просочились годы, как в песок вода.
Как это у Гоголя Николай Василича? –
Скучно жить на белом свете, господа...

НАПУТСТВИЕ

Выросли, окрепли, оперились –
Вылетают дети из гнезда.
Голубые дали им открылись,
Манит путеводная звезда.

– Почему им дома не сидится?
Глупо от добра добра искать! –
Пробует отец слегка сердиться,
Прослезилась жалостливо мать.

Кажется, вчера ещё в сандалиях
Бегали, возились на песке...
Что там? Как там, в этих синих далях? –
Сердце разрывается в тоске.

– Ну, не забывайте нас, пишите, –
Прозвучал родительский наказ, –
На расправу шибко не спешите
И с добром не лезьте напоказ...

Самолёты где-то приземлились,
Прогудели где-то поезда...
Выросли, окрепли, оперились –
Улетели дети из гнезда...

In vino veritas

Реченье «истина в вине» –
Одно из ложных.
Другие истины по мне,
Три – непреложных.

Они просты, поверь всем трём,
Не спорь напрасно:
Бог точно есть,
Мы все умрём,
И жизнь прекрасна...

ПАМЯТИ БАБУШКИ

Разолью вино в две стопки поровну,
Ломтик посолить не премину...
Бабушку, Анисью свет-Егоровну
Терпким зельем скромно помяну.

Вспомню её долю горемычную,
Сердце доброе, не помнящее зла,
Руки, ко всему давно привычные,
Все в мозолях, венах и узлах;

Тёплый взгляд, морщинок мелких лучики,
Что легли вокруг усталых глаз,
И слова: «Живите долго, внучики...
Дай-то Бог, чтоб только лучше нас...»

Нередко нас ранит гораздо лютей
Отточенной стали кинжала
Предательство друга, жестокость людей,
Расчётливой подлости жало.

Обидно до слёз, только плакать не смей!
Пусть сердце мучительно сжалось,
Запомни: среди скорпионов и змей
Надеяться глупо на жалость.

Обиды щемящую боль заглуши,
Свою не показывай слабость,
С презреньем к тому, в ком ни капли души,
Сумей рассмеяться, осклабясь.

Увидишь: лишившись злорадства мошны,
Замечется подлости свита,
Покажутся жалки они, и смешны,
И жало не так ядовито.

Летели птицы долгим клином,
Кричали рощам и долинам
На диалекте журавлином:
Прощай, родная сторона!

На сердце стало вдруг уныло,
В груди всё сжалось и заняло,
Да так, что дух перехватило –
Но эта боль иным странна.

Страдает сердце не пороком.
Его пронизывает током,
Когда задета ненароком
Сентиментальная струна...

ЕСТЬ ТАКИЕ РУКИ

Отче наш, Суший на небесах...

Где-то там, в космическом пространстве, –
Всемогущ, Бесстрастен, Нераним...
Мы, в конце всех наших бранных странствий,
Грешные воскресшие за...цы,
Как один предстанем перед Ним.

Неприкрыты полами одежды,
Мысленно молитвами зудя,
Затаив дыхание в надежде:
Неподкупен, Грозен, но, как прежде,
Милосерден будет к нам Судья.

Кто Его терпимей, кто добрей к нам?
Расточая милость без конца,
Чья рука утрёт слезу с лица?
На картине Рембрандта ван Рейна
Есть такие руки у отца...

Как стремительно жизнь коротка...
Не успеешь пригубить глотка,
Услаждая нектаром уста, –
Замечаешь, что чаша пуста.

Только горький осадок на дне –
Он последним послужит глотком.
И о Судном подумаете дне,
И далёком, и близком таком...

ОДИНОЧЕСТВО

Тлела неба закатная кромка,
Время к вечеру плавно текло...
В тишине неожиданно громко
Постучалась синица в стекло.

Коготками цепляясь за раму,
На радушный надеясь приём,
Проявила характер, упрямо
Атакуя оконный проём.

Настежь форточку – милости просим!
Не обижу, скорее сюда!
Есть пшено из отборного проса,
Из чистой криницы вода!

Наплевать, что худая примета,
Что поверье старинное есть,
Будто злое пророчество это,
О плохом принесённая весть.

Вот, прими-ка ещё угощенье:
Крошки хлеба и семечек горсть
В благодарность за роскошь общенья,
За полгода единственный гость.